

УДК 172.1

Социальная философия либерализма и качества жизни

В. И. Шамшурин*

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва,
Российская Федерация*

Н. Г. Шамшурина

*Российская медицинская академия непрерывного профессионального образования, г. Москва,
Российская Федерация*

ФГБУ НМИЦ реабилитации и курортологии Минздрава РФ, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Критически анализируется релятивизм и конвенционализм либеральной доктрины конъюнктурных ценностей мондиализма и многополярного глобализма. Обосновывается консервативный подход, утверждающий онтологию фундаментально-философских ценностей традиционализма и многополярного мира и устанавливающий их иерархию, выясняющий степень их совместимости и соподчиненности, анализирующий их связи со смыслом жизни человека и всеми другими (не только экономическими и политическими) сферами его деятельности. Показывается, что в отличие от либерализма консерватизм утверждает такие ценности, как патриотизм, реализм, гуманизм, суверенитет, порядок, стабильность, социальный оптимизм, социальная защищенность. В либеральном случае эти ценности рассматриваются как пережитки, а единственный способ, которым следует пользоваться современному исследователю-политологу, – это эмпирическое обобщение исторических фактов и прогнозирование поведения людей, точнее их экономических интересов, проявляемых в аналогичных условиях. В консерватизме, напротив, особо обращается внимание на то, что история никогда не повторяется во всех деталях, а человек богаче и непредсказуемее своего экономического интереса. Обосновывается, что именно консервативный подход наиболее последователен в плане таких критериев научности, как универсализм, системность и целостность. Показывается, что в первом случае политическая мысль носит политико-конъюнктурный, служебный для тех или иных политических сил и политиков характер. Во втором случае можно говорить, не взирая на конъюнктуру политических отношений во властных структурах, о политической устойчивости, стабильности государства и общества в плане публично-правового регулирования и не только стратегического, но даже и эсхатологического планирования.

Ключевые слова: либерализм, консерватизм, демократия, уровень жизни, социальная философия, симфонизм, гуманизм.

Для цитирования: Шамшурин В. И., Шамшурина Н. Г. Социальная философия либерализма и качества жизни // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2025. Т. 53. С. 16–32. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2025.53.16>

Social Philosophy of Liberalism and the Quality of Life

V. I. Shamshurin*

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

N. G. Shamshurina

Russian Medical Academy of Continuing Professional Education, Moscow, Russian Federation

National Medical Research Center for Rehabilitation and Balneology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article critically analyzes the relativism and conventionalism of the liberal doctrine of the opportunistic values of mondialism and multipolar globalism. A conservative approach asserts the ontology of the fundamental philosophical values of traditionalism and the multipolar world and establishes their hierarchy, clarifying the degree of their compatibility and subordination. Analyzing their connections with the meaning of human life and all other (not only economic and political) spheres of his activity. It is shown that, unlike liberalism, conservatism upholds such values as patriotism, realism, humanism, sovereignty, order, stability, social optimism, and social security. In the liberal case, these values are viewed as remnants, and the only approach that a modern political scientist should use is to empirically summarize historical facts and predict people's behavior, or rather, their economic interests, manifested in similar conditions. In conservatism, on the contrary, special attention is paid to the fact that history never repeats itself in all its details, and a person is richer and more unpredictable than his economic interests. It is proved that it is the conservative approach that is most consistent in terms of scientific criteria such as universalism, consistency and integrity. It is shown that in the first case, political thought is of a political-opportunistic nature, serving for certain political forces and politicians. In the second case, we can talk about the political stability and sustainability of the state and society in terms of public legal regulation and not only strategic, but even eschatological planning, regardless of the current state of political relations in the government.

Keywords: liberalism, conservatism, democracy, standard of living, social philosophy, symphonism, humanism.

For citation: Shamshurin V.I., Shamshurina N.G. Social Philosophy of Liberalism and the Quality of Life. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2025, vol. 53, pp. 16-32. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2025.53.16> (in Russian)

Введение

В последние 250 лет на уровень и качество жизни людей особенно сильно оказывала влияние социальная философия либеральной демократии и основанная на ней идеология, т. е. краткое, упрощенное изложение этой философии в виде распространения идей социальной философии либерализма. Эта идеология пропагандирует высочайший уровень и качество жизни, понимаемые исключительно с точки зрения потребления преимущественно материальных благ как самоцели развития общества и государства в режиме «земного» существования «здесь и теперь». Эта свобода и права человека, понимаемые как праздность и потребление материальных благ, и называются ценностью свободной демократии. Но по факту – свобода и права как высокое потребление избранным контингентом стран и людей. Для большинства эта философия на деле воплощается в экономические кризисы, внешне-политические конфликты, в постоянную борьбу за ресурсы. А следовательно, означает аномию, мятежи, войны, бедность и даже нищету. Практически социальная философия либеральной демократии является, как следствие,

оправданием колониального, рабовладельческого, плантаторского, спекулятивного капитализма, живущего в долг или с помощью эксплуатации, конфискации, замораживания чужих активов, т. е. способов, условий и источников благополучного существования подобного строя. Последний, «спекулятивный» капитализм, как и противостоящий ему «производительный», не имеет исторических рамок и существовал всегда. Это «хрематистика» (потребительство) вместо «экономики» (рационального хозяйствования). В конечном итоге в современном либерализме, как в ветхом язычестве, по-прежнему утверждается: 1) прокси-философия инаковости человеческих природ, которые делятся на избранные, «так себе» и отбросы; 2) конфликтность, борьба, война всего и вся, спонтанность столкновений всего и вся как основа развития всего и вся; 3) непримиримость с миролюбием, которое есть основа всего и вся в христианстве; 4) борьба с христианством как таковым (атеизм); 5) борьба однолинейности, гегемонизма с многолинейностью¹, симфониизмом; 6) либеральная демократия и как теория, и как практика уточняет эти установки историей идей и событий. В этом отношении Россия является ярким историко-социологическим примером-подтверждением, и борьба с ней всего либерально-демократического евро-атлантического коллективного западного лагеря – это на самом деле борьба не столько с Россией, сколько борьба языческих верований с христианством, носителем которого Россия все еще остается.

Все политологические, а шире – философско-политические построения, можно с большой степенью достоверности разделить на две категории – апологетические и предостерегающие. В первом случае, как справедливо полагал Э. Дюркгейм, мы имеем дело с «инженерами», а во втором случае – с «клиницистами». Первые, которые, собственно говоря, и составляют большинство в мире экспертов, аналитиков, консультантов, осуществляют бесконечное количество типологий-схедаграфий на предложенную тему, предлагая заказчику самые разнообразные возможные, а зачастую и невозможные варианты сначала осмысления, а затем и осуществления его проекта. Это конъюнктурная догматика в основном концептуально-идеологического, а не теоретико-стратегического плана. Здесь в чести модели, пропаганда с помощью тезисов-лозунгов, но не доказательства на основе теоретико-мировоззренческого набора строгих обоснований со знанием существа проблем, источниковедения, историографии и фактологии, на основе которых на репрезентативной базе данных (выборки) и строятся прогнозы. В данных прогнозах не только подчас критикуется, но и ставится под вопрос возможность и целесообразность самого проекта как задания со стороны политиков, а иногда и предлагается им просто отказаться от этого проекта ввиду губительности его последствий. В этом случае как раз и требуется менее используемая, но в конечном итоге считающаяся основой мировых достижений классика, особенно философская. Последняя как раз и принадлежит к разряду тех самых предостережений-пророчеств, чаще всего неприятных, в силу

¹ По удачному в своей сути анализу, проведенному Н. Я. Данилевским [1; 2] и А. С. Панариным [3].

этого не воспринимаемых и критикуемых, а иногда и просто не замечаемых, не понятых и не понимаемых по причине нежелания их понимать, тем более ретранслировать.

Говоря о подобного рода прогнозах, следует отметить предостережения Давида, Исаяи, Иеремии, Иезекиля; Конфуция и Чандрагупты I; апостолов и новоникейцев; Даниила Заточника и Нестора Летописца; Т. Гоббса, Г. Гроция, Э. Берка, Ж. де Местра, Л. де Бональда; А. С. Хомякова, Н. Я. Данилевского, Л. А. Тихомирова, И. А. Ильина; А. С. Панарина, В. Н. Расторгуева. Все они направлены против войн, мятежей, попрания семейно-нравственных и религиозных ценностей; против мстительности, коллективной ответственности, культурофобии, диалектики конфликтов, антиэтатизма и полемологии, служащих лишь умножению зла и забвения дружелюбия и консенсологии, которая провозглашает верховенство публично-правового согласования интересов и амнистий, традиционализма, патриотизма и право на самозащиту личности и государства. В первом случае можно говорить о левом, светском, атеистическом либерализме. Во втором – о либерализме «охранительном», точнее о либеральном консерватизме. Цель работы – разграничить деструктивные начала, существующие в современном либерализме: формализм, конъюнктурность, утилитаризм, скептицизм, агностицизм² и конструктивные начала. Задача – показать неотъемлемые, сопутствующие последствия таких, казалось бы, умозрительных предпосылок в виде опять-таки войн, кризисов, конфликтов. Истинный либерализм – консервативный, как, впрочем, и истинный консерватизм – либеральный.

Критика либерализма как демократии у Платона. Либерализм как светская религия

Во всем, что связано с предостережениями, несомненный интерес представляет творчество Платона. Его предостережения против демократии и демократий, которые «росли и растут на крови», звучат сейчас не просто современно. Создается впечатление, что они написаны даже не сегодня, а завтра. Действительно, если говорить об историко-социологической, экономической и тем более экзистенциальной «затратности», то никакие монархии, теократии или аристократии, насчитывающие тысячелетия, по количеству жертв не идут ни в какое сравнение с современными демократиями западного общества.

Демократия, по Платону, осуществляется там и тогда, где и когда бедное большинство, одержав победу над богатым меньшинством, некоторых из своих противников уничтожит, иных изгонит, а остальных уравнивает в гражданских правах и в замещении государственных должностей. Опыт Афин, Эфеса, Англии, Франции, США и многое из современного «цветного» движения, будто бы «спонтанных возмущений народных масс» дают здесь огромное количество примеров-предостережений. Если в среднем, особенно в «цивилизованной Европе», к избирательным урнам подчас приходят 25–27

² М. А. Абрамов справедливо называет такой подход историческим, пустым и благодушным, отмечая необходимость обсуждения проблем на метафизическом уровне либерализма Т. Х. Грина и Б. Кроче. А не в плане субъективизма либерализма Ф. Хатчесона, Д. Юма и А. Смита [1, с. 20, 24].

% (а то и меньше – 15–20 %) избирателей, а побеждают там «народные избранники» очень часто и в конечном итоге простым большинством и теми же 15–20 % (а в США и того меньше – 2–3 %, где выборщики выбирают выборщиков, избирающих претендентов!), то ничем иным, кроме как жребием, такие выборы назвать нельзя.

Да, полагает Платон, при демократии живут люди свободные, и появляется возможность делать, что хочешь. Каждый строит себе жизнь на свой лад и по своему вкусу, и, казалось бы, это самый лучший государственный строй, который «словно ткань, испещренная всеми цветами». Вероятно, по мнению Платона, многие, любящие все пестрое, сделают вывод, что этот строй, т. е. демократия, лучше всех. При нем также удобно избирать и государственное устройство, поскольку демократия включает в себе все роды государственных устройств. Платон говорит, что здесь, как на рынке, на котором торгуют всевозможными правлениями, можно выбрать то, которое нравится, а сделав выбор (сейчас говорят «цивилизационный выбор»), даже основать свое государство.

Платон спрашивает, разве не привлекательна и чудесна такая жизнь? А разве не великолепно милосердие и великодушие в отношении к некоторым осужденным и правонарушителям? Такие люди, говорит философ, разгуливают там повсюду. И эта снисходительность к пороку, которую классик как будто бы высмотрел сейчас, вовсе не мелкая подробность демократического строя. Платон считает, высокомерно поправ любые достижения и достоинства, представления о том, что хорошо, а что плохо (все равны!), что демократический строй нисколько не озабочен тем, кто от каких занятий переходит к государственной деятельности. При нем существует своеобразное равенство, уравнивающее равных и неравных. И не нужно никакого воспитания-образования, т. е. обретения одних качеств и избавления от других качеств. Все допустимо. Нет различия в том, что полезно, а что вредно, что умно, а что глупо, что благородно, а что подло, что красиво, а что безобразно, что истинно, а что ложно, что добродетель, а что порок. Все по-своему правы, а любая истина носит релятивный и конвенциональный характер. Это отмечал при Платоне его оппонент, философ Кратил. Так, но менее обстоятельно говорят сейчас представители постмодерна. Человек здесь – весь во власти сиюминутных вождельний, под влиянием которых он находится в данный момент, здесь и теперь. Утверждается культ новизны и совершенно непонятной современности.

В подобной демократии, повторяет Платон, главное – свобода. Однако это свобода жить не по законам международного или государственного права, морали или религии, а по каким-то неясно кем утверждаемым и отменяемым в интересах этого кого-то правилам, которые постоянно меняются. Граждан, культуры, страны, которые с этой точки зрения характеризуются как «послушные властям» [12, с. 380], отменяют, или, как провидчески пишет Платон: «...там смешивают с грязью». Но что это, как не мошенничество? Именно так и называет вещи своими именами Ксенофонт [10, с. 192]. Аристотель делает здесь экономические уточнения: очень часто при демо-

кратическом устройстве экономики – экономии, т. е. науку о домохозяйстве и именно средство для осуществления «благой жизни» человека, характериземого как «зоон политикон», т. е. существо биологическое, но способное к нравственным, т. е. не обусловленным биологией, целеполаганиям, понимаемым как благо, так вот, эту самую экономику – экономию, в силу постоянно меняющихся потребностей (по Платону, «вожделений»), как раз и понимаемых в виде блага, замещает «хрематистика», другими словами, накопительство, еще точнее – безудержное приобретательство, потребительство, превращающееся в самоцель и единственное благо. И это уже не достижение материальных благ и средств, направленных на наиболее полное участие граждан в «политическом общении». Это превращение людей в ненавистную Аристотелю массу, лишенную понимания высших духовных ценностей жизни, в алчных наемников, точнее, по Аристотелю, в «корабельную чернь», «пиратов». Вот тут-то неизбежно появляются демагоги и тираны-деспоты – люди, которые более всего хотят, как выражается Аристотель, «показывать свою кичливость и угождать вкусам толпы, имея в виду только выгоды данного момента» [3, с. 60].

Тирания – это болезнь демократии и ее неотъемлемое свойство. По Платону, демократическое государство состоит из трех частей: трутней, богачей (они и есть тираны-деспоты) и народа. Самые ядовитые из трутней произносят речи и действуют, а остальные усаживаются поближе к ним, жужжат и не допускают, чтобы кто-нибудь говорил иначе. В консерватизме же свобода – это возможность отказаться от недостатка, т. е. от свободы зла. В либерализме, поскольку свобода – это равное достоинство всех качеств, свойств человека, в том числе и самых низменных, это свобода зла, которое назначается добром, и наоборот. В таком своем качестве либерально-демократическая свобода есть постоянный очаг напряженности, противостояний, конфликтов как цивилизационных, так и культурных, как мировоззренческих, так и социально-экономических или военных на выживание (по Хантингтону). Это перманентное состояние хаоса, которым, как сейчас говорят представители либеральной правящей и экспертной, особенно «глубинной», элиты, и следует управлять. Все зависит от фазы конфликта – ранней, или средней, или поздней ее стадии.

Еще раз можно отметить: псевдодемократии в истории общества являются непревзойденными по затратности экономических ресурсов и жертвенности в отношении ресурсов человеческих. Сравним всю историю человечества и последние 230 лет «просветительского проекта» либеральной демократии. Например, ни один Митридат или Рамзес с Ашшурбанипалом и Ксерксом не сравнятся в своей политике с последствиями реформ Трумэна или с политикой управляемого хаоса (доктриной Монро) как способом выхода из экономического кризиса. А ведь, по сути, основа здесь – «диалектика отрицания отрицания» как борьба «конфликта и конфликта» Г. В. Ф. Гегеля, идеолога и столпа либерализма. У него, кстати, мы находим еще одну очень важную для либерально-демократического мировоззрения установку, отмеченную, как было уже показано ранее, Платоном и Аристотелем, – атеизм

как отказ от духовных ценностей (высочайшего блага) и предпочтение определенности в виде «здесь и теперь» текущих состояний или возникающих потребностей («вожделений»). Аристотель, повторяем, называл это «хрестоматистикой корабельной черни». Собственно, именно Гегель, а не Ницше, по сути, первым провозгласил, что «Бог мертв». Но как? Да, он укажет на Бога как на «абсолютно разумную идею». Но поскольку Бог в этом понимании – это «бесконечный абсолют», который потерял самосознание (в силу своей вечности и бесконечности), то на его место как раз и ставится человек, через интеллект которого самозванно происходит обретение и восстановление утраченного как детерминация сознания в границах определенности идей. Но что это, как не оправдание «демократического самозванства» во всем и вся, одностороннее первенство земного над небесным в духе манихейства ересиархов Ария, Нестория, Евномия, которые, как они считали, знают Бога лучше самого Бога?

В христианстве самим Спасителем заявлено и подтверждено: для спасения необходимо единство мысли и действия, слова и дела, убеждения и поведения, внутреннего образа и образа жизни. Обычно на это возражают: ну вот, опять нам предлагается очередное самое правильное учение. Но дело-то в том, что христианство не учение, не теория в виде умозрительной, даже и критической философии, а жизнь по убеждениям, без которых все теряет смысл. Господь сказал ученикам Своим: «Я с вами во все дни до скончания века» (Мф. 28:20)». Философский вопрос «в чем смысл жизни?» здесь не имеет смысла; перспектива у другого вопроса: «в чем жизнь у смысла?» В последнем случае возможны конструктивные подходы и решения. В социальном и даже бытовом отношении то же самое можно выразить так: при столкновении с трудностями не следует причитать «за что мне все это?» Куда полезнее задаться вопросом «для чего мне все это?»

В язычестве, напротив, человек обоготворяет убивший его грех во всех его видах, обоготворяет представителей греха – демонов; пред идолами (демонами) «приносились жертвы из животных, а нередко и из людей» [7, с. 84], «очевидно от того, что они признают добром одно добро павшего естества. Христианства не знают и не понимают», по словам Игнатия Брянчанинова [7, с. 111]. Схожую, отрицаемую И. Брянчаниновым, позицию можно встретить в постмодерне, а также в творчестве весьма ценимого постмодерном М. Хайдеггера это та же версия либерально-демократического мировоззрения, для которого и апофатизм, и трансцендентность совершенно не понятны, а потому и неприемлемы. В силу того что непонятны, неприемлемы и установки о всемогуществе Бога не в виде фатального детерминизма, а в виде синергии и апокатастазиса, т. е. свободной ответственности и троичной нераздельности и неслиянности горнего с дольным, когда Бог может попускать и быть не только первопричиной, но и осуществлением, и смыслом одновременно. И смысл этот не всегда очевиден «здесь и теперь», но в конечном счете – всегда во благо и спасение. А вот любое утверждение фатального детерминизма как раз и оборачивается атеизмом с его культом внешних сил и сред. И неважно – божественных, космических, биологических или

социально-экономических. Им как раз и поклоняются, как и раньше во времена античности древние язычники, с помощью обрядов, оргий, либералий. Дело тут сводится к тому, чтобы с помощью массовых шествий, возмущений, мятежей, психоэмоциональных, громогласных скандирований хором, хождений с надписями и, что самое важное – с помощью ритуальных жертвоприношений, в том числе и человеческих (сейчас говорят, «сакральных жертв»); с помощью «спонтанных» проявлений народного волеизъявления убедить богов и правителей в серьезности своих намерений. Как видим, лексика и практика древнего язычества и современного либерализма практически все та же или носит весьма синонимический характер. В конце концов дело оборачивается экономикоцентризмом или биологическим детерминизмом, как у Т. Р. Мальтуса, Ч. Дарвина или М. Фуко; или психопатизмом, как у З. Фрейда. Кстати, этот априорный катафатизм и имманентность, как атеизм, выливающийся в нежелание услышать другое, максимально другое (даже трансцендентно иное) мнение, – очень характерная и еще одна очень важная черта «либердемократизма». Либерализм позволяет свободу для всех, но этим «всем» запрещает быть свободными от либерализма.

В то же время современные либералы (если они философствуют, а без этого нельзя), совершенно в консервативном духе ощущая необходимость поиска устойчивости, постоянства во всем и вся, все-таки не отвечают на вопрос: как в самой структуре вещей и только с помощью зыбкого фундамента субъективного чувства (те же Б. Кроче и Т. Х. Грин) отыскать требуемые философией нерушимые объективные основания для моральных устоев? Задача странная, невыполнимая, приводящая к неопределенностям и благодушию. Очень часто защитники либеральной идеи любую критику именно этой стороны либеральной доктрины называют «поляризованной аргументацией», не возражая при этом по существу. Но такая повышенная эмоциональность в полемике как раз и говорит о псевдорелигиозности, светской религиозности, т. е. о том, что предмет обсуждения носит именно ценностный характер и свидетельствует о наличии аксиоматических как аксиологических предзаданностей смысла, которые имеют именно вероучительный смысл в виде конечных убеждений, т. е. за доказанное принимается то, что еще нуждается в обосновании.

Особенно это очевидно на примере Д. Ролза и Т. Саррацина, которые, вслед за Фукуямой, то говорят о необходимости универсализма в экспертных оценках, то, защищаясь от критики, настаивают на том, что рассматривают те или иные частные проблемы в узкоспециализированном, дисциплинарном режиме, в оптике политического анализа. Отсюда множество нестыковок и возникающих вопросов, ответов на которые нет. Особенно показателен Дж. Ролз, на которого зачастую возлагаются очень большие надежды в связи с его философией справедливости, очень неясной и благодушной. И сторонники, и противники Ролза в этой связи довольно часто обвиняют его в эгалитаризме, популизме и даже, как Р. Нозик, в анархизме. Нельзя не согласиться с О. Хеффе [20], «идеальная теория» (выражение самого Ролза) как легитимационное ядро не соотносено у Ролза с понятием правовой власти [15,

с. 286]. Более того, он считает, что перераспределение преимуществ и доходов Ролза – это экспроприация. Действительно, нельзя не согласиться, что в последовательно либерально-утилитаристских подходах «те, кто занимает менее выгодное положение, являются жертвами, а в его схеме – партнерами. Этого философ считает достаточным для доказательства истинности своей теории» [24, с. 463]. Ролз, повторяем, на критику отвечает, что его концепция не претендует на универсальность и всеохватность. Будучи лишь политической концепцией и имея ограниченное применение, она обращена к основным политическим, социальным и экономическим институтам, которые несут ответственность за справедливое распределение благ, не претендует, но, по сути, наделяет институты сакральными полномочиями. При этом утверждается, что эффективность прав и обязанностей напрямую зависит от неизменности правил [15, с. 70]. Только неясно, перед кем эти институты несут ответственность за неизменность правил справедливости? Перед самими собой, перед народом, перед законом или перед Богом? А главное – какие последствия этой ответственности? Дальнейшее продолжение работы в виде несения ответственности без последствий или все-таки увольнение из-за несостоятельности нахождения в профессии? Неясности такого рода ответов в виде неразличения деклараций об облигаторности и облигаторности по существу приводили и приводят к самым печальным последствиям.

В свете рассматриваемых нами сюжетов довольно примечательна также и работа весьма нашумевшего в Германии мыслителя и политического деятеля Тило Саррацина, который на примере Германии как раз и задается вопросами: куда движется либерализм и правильно ли он это делает? При этом горько констатируя, что либеральные ярлыки затасканы, набили оскомину и не действуют, сам за пределы формального либерализма не выходит. Более того, автор обсуждаемой книги [28] может быть уточнен и обсуждаем именно в рамках вышеозначенного вопроса, поскольку, совершенно в либеральном ключе постоянно говоря о спонтанности и случайности всего и вся, находится в рамках именно этого идейного направления. Книга производит впечатление полной растерянности, беспомощности, поэтому совершенно разочаровывает. А происходит это от того, что автор не видит или не хочет видеть очевидное, которое состоит в следующем, совершенно понятном и для Платона, и для Полибия, и для Фукидида, и для Б. Н. Чичерина, и для М. Вебера, и для А. С. Панарина, и для В. Н. Расторгуева существе происходящего в мире, причем и в прошлом, и в настоящем. Есть одно идейное направление, прославляющее борьбу и конкуренцию, – есть соответствующие последствия. Есть другое идейное направление, вызывающее к любви и милосердию, – есть другие последствия.

Демократия и тирания, как либерализм и фашизм, – одно. Либерализм постоянно вынашивает, выращивает и в прошлом, и в настоящем, и в будущем идеологию и практику фашизма. Как быть с этим? История свидетельствует об этом постоянно, без единого исключения. Это во-первых.

Например, Т. Саррацин, как и многие в либерализме, говорит о мультикультурализме: то о его преимуществах, то о его недостатках. Но ничего при

этом не сообщается о специфике культуры мировых религий, например христианства, считая их появление случайным. Как быть с этим? Это во-вторых.

Говорится при этом о правах человека. А как быть с обязанностями, которые осуществляют эти права (Бердяев, Тихомиров, евразийцы)? Кто эти ответственные люди? Как быть с этим? Это в-третьих.

Говорится при этом о зеленой повестке, правах животных, квадроберах, субъектности животных (философия природы). А кто их защитники и кто выражает их волю (природы, животных)? Есть посредники, значит, есть и самозванцы, преследующие на деле собственные цели. Как быть с этим? Это в-четвертых.

Говорится при этом о справедливости. Есть, по крайней мере, две трактовки – эквиваленция (талион, кровная месть) и квалификация (прекращение конфликта). Как быть с этим? Это в-пятых.

Говорится при этом о жестком противостоянии либерализма и консерватизма. Почему рассматривают только современность и не дальше советского периода? А Россия и Европа? А Европа и весь противостоящий ей колониальный мир? Как быть с этим? Это в-шестых.

Говорится при этом о революциях, английской, французской, русской. О плодотворной передаче власти от монарха к народу. А как быть с неисчислимыми потерями последних 200 с лишним либерально-демократических лет, перед которыми бледнеет все монархическое прошлое человечества? Как быть с этим? Это в-седьмых.

Говорится при этом (особенно об этом) о свободе. О «свободе для» или о «свободе от»? Многое, как и со справедливостью, подразумевается и принимается за доказанное. Как быть с этим? Это в-восьмых.

Говорится при этом о личности. Но индивид, персона, личность – совершенно разные измерения человеческого существования. И это надо хотя бы отметить. Как быть с этим? Это в-девятых.

Говорится при этом о культуре. Но без истории вопроса (консерватизм) – немецких романтиков и русских славянофилов – это опять-таки странно. Вообще полемика между либерализмом и консерватизмом чаще всего не представлена. Консерватизм игнорируется либерализмом, отменяется. Но либеральная культура, отмена культур – это путь к самоистреблению. Культура, отменяющая другую культуру, отменяет тем самым саму себя. Как быть с этим? Это в-десятых.

Пока Т. Саррацин берет на себя роль консервативного либерализму оппонента, но, повторяем, делает это неопределенно и непоследовательно.

Критика либерализма в русской философии

Особенно здесь показательна русская философская традиция, которая, как никакая другая, продолжает именно художественно-поэтическую линию философии Платона по развенчанию либерально-демократических иллюзий. Здесь отметим взгляды А. С. Хомякова, В. С. Соловьева.

Однако особенно следует обратить внимание на заслуги П. И. Новгородцева, Б. Н. Чичерина и Н. А. Бердяева. Эти фигуры особо интересны хотя бы потому, что знали о предмете своей критике не понаслышке. Все они

считаются даже олицетворением либерализма и с идейной, как Б. Н. Чичерин, точки зрения, поскольку он является соавтором с К. Д. Кавелиным известного «либерального манифеста» в виде статьи «Письмо к издателю» (Голоса из России А. И. Герцена и Н. П. Огарева [16]), и с партийной точки зрения, как П. И. Новгородцев – один из лидеров партии «Народной свободы», т. е. конституционных демократов (кадетов). Н. А. Бердяева же так и вовсе называли, как известно, «мракобесом свободы», «полустанком», мимо которого в разных направлениях и свободно мчатся разные поезда, сиречь идейные позиции, в том числе и либерализм. Но так ли это? Все эти мыслители, подобно Платону, дали сильнейшую в истории мировой мысли критику либерализма и демократии.

Почему сейчас так важно говорить о России? Нас ныне хотят не просто отменить, а в очередной раз уничтожить. И уж, по крайней мере, не замечают того конструктива, который у нас есть. А мы все еще продолжаем жить с оглядкой на «просвещенный и цивилизованный запад». На нас не хотят смотреть, а мы по-прежнему «идейно-сырьевая колония» и перед ними на вытяжку. А о либерализме судим по Фукуяме [18; 19] или Инглхарту [9]. Конечно, совсем не следует в ответ что-то запрещать или отменять. Например, тот же, как сами либеральные авторы называют свое направление, «либердемократизм». Но давайте называть вещи своими именами: ценное – ценным, а легковесное – легковесным. Скажем прямо, оценки Фукуямы в том числе и либеральной демократии не то чтобы слабы, расплывчаты и наивны, они причудливы в своей невнятности, как это и подобает истинному либералу. Давайте судить в том числе и о либерализме объективно, критически. Он может быть, повторяем, очень разным. Как удачно в свое время сказал И. Кант, кто сам себя сделал червяком, в праве ли жаловаться на то, что его раздавили? Или как сказал Ф. Бэкон, если заниматься философией мало, то она ведет к атеизму и материализму, а если пристально – то к религии [8, с. 386].

Эти ценные доводы классиков особо значимы в контексте русской мысли, точнее в ее типологиях и классификациях либерализма как в наиболее общих, так и в самых пристальных попытках его осмысления. Эти типологии и классификации носят, повторяем, весьма критический характер. Тем более, что эта критика весьма созвучна тому, что писал о либерализме М. Вебер, говоря на примере Веймарской республики об «уличной диктатуре», «господстве клики». Неизвестно, читал ли Юлиан Семенов М. Вебера, но его позицию в «Семнадцати мгновениях весны» он изложил очень точно, говоря устами немецкого генерала о фашизме как о демократии мелких лавочников. За это, как полагал Ю. Н. Давыдов, Вебера даже упрекали в «изобретении фашизма». А ведь он, как и Платон, Гоббс, предостерегал: демократия чревата тиранией! Вот уж неблагоприятная судьба политической мысли, особенно ее наиболее конструктивной части – предостерегающей политологии!

Русские мыслители еще до М. Вебера делали интереснейшие и очень развернутые, более обширные аналитические построения по поводу либерализма, а главное – видели фашистско-диктаторские корни либерализма, не только социально-политические, но и философские, религиозно-

философские корни, прежде всего, усматривали в либерализме язычество. Атеизм и материализм и есть язычество с его культом преходящих, текущих, сиюминутных псевдоценностей. В либеральной рыночной экономике провозглашается принцип *laissez-faire* как некая внешняя для человека сила, существующая от него независимо. При этом по законам свободного рынка уравниваются спрос и предложение, а экономика достигнет идеального состояния «здесь и теперь». Однако уровень жизни регионов значительно различается и неизбежно требует вмешательства государства, государственного регулирования региональной экономики, выравнивания условий жизни.

Новгородцев как раз и перечисляет всевозможные и невозможные типы социально-политических обольщений, всячески критикуя «утопии земного рая», которые манят человечество и иссушают его ресурсы периодически в виде потрясений и катаклизмов, топят человечество в крови. Однако человечество до сих пор продолжает соблазняться такого рода искусами.

Но самая всесторонняя критика либерализма и демократии – у Б. Н. Чичерина, который еще в 1861 г. написал актуальную и сегодня работу «Различные виды либерализма» [22], показательны также [21; 23]. Он разделяет либерализм на уличный, оппозиционный и охранительный. Последний, по сути, является консерватизмом. Каждый юрист и историк, считал Чичерин, по определению консерваторы. Если они не консерваторы, то они не юристы и не историки. Под юристами и историками Чичерин в духе греко-римской традиции понимал и философов.

Первый вид либерализма – это апология скандала ради скандала. Второй чуть мягче – реформа ради реформы. Третий – позитивен и разрабатывается с учетом всех слоев населения и конструктивных традиций-начинаний. В первом нет ничего, кроме собственного своеволия и собственного шума. Это эгоизм и самолюбование, нарциссизм, доходящий, скажем так, до наркотизма. Этакое «Прометеево начало», как говорил А. С. Панарин. Именно третий, охранительный, вид либерализма (а, по сути, консерватизм) примиряет начала свободы с началами власти и закона. Однако сам по себе либерализм как первый «уличный либерализм» очень часто приемлет воинствующую риторику второго «оппозиционного либерализма» как прямое политическое указание, на основе которого предпринимаются разного рода действия по свержению действующих властей в виде, как сейчас говорят, цветных революций, а на самом деле, ангажированных мятежей под видом «спонтанных волеизъявлений народных масс». Непосредственно же «оппозиционный либерализм», оставаясь таким же, как во времена Чичерина, но будучи сейчас сам у власти, теперь пребывает в оппозиции к традициям и идеям «либерализма охранительного» (т. е. консерватизма). И называется он теперь, будучи все тем же, совершенно по-другому – «либеральным трансгуманизмом»! Теперь он в основном борется с «либерализмом охранительным», с такими его основополагающими устоями-ценностями, как семья, церковь, государство и половая идентичность. «Оппозиционные либералы» все больше используются как подконтрольный внешнеполитический инструмент для дестабилизации обстановки в отдельных государствах, а гра-

мотно скоординированные протесты все чаще перестают быть «невинным свирепением», как их описывал Чичерин. Опыт цветных революций показал, что хорошо скоординированные «оппозиционные либералы» достаточно компетентны, чтобы поднять «сытые массы» на свержение власти, и каждый раз, конечно же, «во имя демократии и свободы»!

О философии свободы: сакральное и секулярное значение

Именно метафизике свободы как раз и уделял особое внимание Н. А. Бердяев в «Опыте эсхатологической метафизики» [5], в «Философии неравенства» [6], в работе «О рабстве и свободе человека» [4]. Он показывает: светская политика, поклоняющаяся выгодам материальных сил и не имеющая сострадания, носит характер фашистский и «свобода, не знающая жалости, становится демонической» [4, с. 11].

В либерализме, согласно Бердяеву, само слово «свобода» потеряло смысл. А почему потеряло? Потому что это сатанизм: либерализм легко превращается в лжерелигию со всеми свойственными язычеству признаками нетерпимости к инакомыслию. Бердяев знал, о чем говорил, сам отдавал дань и либерализму, и марксизму, который считал видом либерализма. Здесь все идеи формальны. Никто не живет так, как верит, есть лишь обряды. Есть ли онтологическое ядро метафизического рода в либерализме? Нет. Бердяев положительно оценивает некоторые позиции Бенджамина Констана, показывает древнее и новое понимание свободы, различие язычества и христианства. Но именно сейчас под личиной новизны как раз и возвращаются древность и ветхость язычества, подобно романтическим высказываниям Руссо и его последователей о всеобщем равенстве, правах и свободах, а на деле культ несбыточных социальных проектов, фикций и призраков, убегающего горизонта в виде общества «всеобщего потребления», утопий, в конце концов: всеобщего равенства или пролетариата, или среднего класса, или праздного класса «золотого миллиарда» и т. д. и т. п. По признаниям одного из самых видных современных классиков либерализма, американца японского происхождения Фукуямы, западное общество достигло либеральных высот, однако экономические и политические кризисы последних десятилетий заставили его пересмотреть позиции и признать, что горизонты достижений либеральных ценностей отдаляются. Такая позиция отмечена В. Н. Расторгуевым как ложный либерализм [13, с. 20; 14].

Особо отметим культ привилегий в либерализме: буржуазных, пролетарских, среднего класса, праздного класса (по Веблену), или «золотого миллиарда», евро-атлантического мира, нейронно-сетевых аватаров, трансгендеров, в конце концов. Равенство здесь механистическое. Свобода – не в достижении цели, не «для», а как независимость от чего-то.

Одним из таких призраков и является экономическая свобода. Однако это утопия. Либерализм легко переходит от одного призрака к другому, например, от экономического индивидуализма в виде анархо-синдикализма и анархо-капитализма к этатизму, как это сейчас и происходит в мире. Либеральный эгоизм делает все ограничения, в том числе и экономические (если либерал у власти), формальными, «допускает какое угодно содержание» [6,

с. 151]. Допускается и рыночная экономика с неприкосновенностью до святости частной собственности; и централизованный государственный этатизм в виде конфискаций, экспроприаций («отнять и поделить» или заморозить) этой частной собственности. Если, конечно, ситуативно такое решение представляется выгодным «здесь и теперь». В связи с этим, в силу своего формализма, либерализм по своей природе еще и антиисторичен.

Но либерализм еще и атеистичен. Точнее, он антиатеистичен и хочет освободить человека от Бога, называя это гуманизмом, «отдает его безраздельно во власть природной необходимости» [6, с. 155], тех же сил (природно-географических, социальных, экономических, политических, психоэмоциональных, телесных и т. д.) в лучшем случае. При этом эрзац, псевдорелигиозная вера все-таки в либерализме сохраняется. Бердяев прямо обращается к либералам: «Вы верите в большинство голосов. Из суммирования волей всех не получается всеобщей воли» [6, с. 161]. Действительно, проблема субъектности секулярного социума не решается. И подтверждением того служат социологические опросы, референдумы, плебисциты и даже голосования, которые свидетельствуют, прежде всего, о чрезвычайной и резкой переменчивости общественных настроений и политических пристрастий, о которых опять-таки предупреждала и предупреждает как философская классика (тот же П. И. Новгородцев), так и современная реальная политика. Либеральная демократия свидетельствует: светский ум лукав, поскольку все и вся подводит под свои умствования и во всем себя, а никого другого считает судьей в последней инстанции. У такого ума, считал Феофан Затворник, нет твердых положений, а такие умствования всегда неустойчивы: ныне так, завтра иначе. От того у светского ума одни колебания, недоумения, вопросы без ответов. Все вещи у него не на своем месте, и ходит он впотьмах, ощупью. «Разум есть способность познавать истину; но сама истина не в нем, а должна быть преподана ему со вне» [17, с. 52].

Выводы

Бердяев продолжает линию, намеченную в политике и праве Новгородцевым и Чичериным и идущую от Платона, но делает это преимущественно в эсхатологическом, сотериологическом ключе и именно в философско-метафизическом, религиозном направлении философии Патристики. Николай Александрович Бердяев подчеркивал: или либерализм бывает осложнен началом консерватизма, и тогда он более глубок и крепок, или он бывает осложнен расплывчатыми, призрачными социальными утопиями и анархическими началами, и тогда он порождает «пошлый и рыхлый тип радикала» [6, с. 156]. Последние события говорят о справедливости оценок Платона и русских мыслителей. Очарования либералов резко меняются на разочарования, и наоборот. Сами его представители, подобно Й. А. Шумпетеру [29], прямо говорят о правлении политиков, а не народа в режиме либеральной демократии, и даже об «упадке» [25] и «закате и расколе» [26; 27] (подробнее о кризисе эпохи либерализма см. [2]), в отличие от «охранительного либерализма», точнее либерального консерватизма, который сочетает достиже-

ния секулярного понимания общества с богатством его историко-цивилизационных, духовно-культурных, религиозных потребностей. Именно в либеральном консерватизме гармонично сочетаются интерес к творчеству как таковому (присущий консерватизму) и устранение препятствий [11], лежащих на пути этого творчества, что в наибольшей степени присуще именно либерализму. Действительно, если суммировать взгляды Б. Н. Чичерина [22], будущее за гармонией творчества нападения с творчеством защиты.

Список литературы

1. *Абрамов М. А.* Воздух свободы // О свободе. Антология мировой либеральной мысли. М. : Прогресс-Традиция, 2000. С. 7-28.
2. *Аласания К. Ю.* Биополитика от Спенсера до Эспозито: ключевые концепции и подходы. М.: Издатель А. В. Воробьев, 2023. 316 с.
3. *Аристотель.* Афинская полития. М. ; Л. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1936. 197 с.
4. *Бердяев Н. А.* О рабстве и свободе человека. Париж : YMCA-Press, 1972. 222 с.
5. *Бердяев Н. А.* Опыт эсхатологической метафизики (Творчество и объективация). Париж : YMCA-Press, 1947, 219 с.
6. *Бердяев Н. А.* Философия неравенства (Письма к недругам по социальной философии). М. : ИМА-Пресс, 1990. 288 с.
7. *Брянчанинов Д. А.* [Св. Игнатий Брянчанинов]. Слово о человеке. СПб. : Приход святителя Игнатия Брянчанинова, 2011. 720 с.
8. *Бэкон Ф.* О началах и истоках. Опыты или наставления нравственные и политические. Посвящения // Соч. В 2 т. Т. 2. М. : Мысль, 1972. 582 с.
9. *Инглхарт Р.* Постмодерн: Меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полит. Политические исследования. 1997. № 4. С. 6-32. EDN ESCOIL.
10. *Ксенофонт.* Афинская полития // Аристотель. Афинская полития. М. ; Л. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1936. С. 181-196.
11. *Леонтович В. В.* История либерализма в России (1762–1914). М. : Русский путь, 1995. 550 с.
12. *Платон.* Государство // Соч. в трех томах. Т. 3. Ч. 1. М. : Мысль, 1971. С. 89–454.
13. *Расторгуев В. Н.* Либерализм // Философия политики и права: энциклопедический словарь. М. : ИНФРА-М, 2018. С. 217–220.
14. *Расторгуев В. Н.* Предисловие // Православная цивилизация / А. С. Панарин. М. : Ин-т рус. цивилизации, 2014. С. 5–38.
15. *Ролз Дж.* Теория справедливости : пер. с англ. М. : УРСС : Ленанд, 2017. 536 с. [Rawls J. A Theory of Justice. Harvard : Sixth Printinge, 1971].
16. *Русский либерал.* Письмо к издателю // Голоса из России : сборники А. И. Герцена, Н. П. Огарева. Кн. 1–3. 1856–1857. М. : Наука, 1974. С. 9–36.
17. *Свт. Феофан Затворник.* О Православии с предостережениями от погрешений против него. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995. 204 с.
18. *Фукуяма Ф.* Отставание. М. : Астрель, 2012. 480 с.
19. *Фукуяма Ф.* Сильное государство. Управление и мировой порядок в XXI веке. М. : АСТ, 2007. 220 с.
20. *Хеффе О.* Политика. Право. Справедливость. М. : Гнозис, 1994. 328 с.
21. *Чичерин Б. Н.* Мера и границы : сб. ст. М. : Развитие правовых систем, 2023. 400 с.
22. *Чичерин Б. Н.* Различные виды либерализма // Опыт русского либерализма. Антология. М. : Канон, 1997. С. 38-51.
23. *Чичерин Б. Н.* Что такое охранительные начала? // Наше время. 1862. № 39. URL: http://dugward.ru/gospravvo/chicherin_что_такое_охранительные_начала.html
24. *Яковлев М. В.* Теория справедливости в европейской социально-политической мысли XX в. // Университетские лекции по истории философии политики и права / под общ. ред. Е. Н. Мошелкова ; науч. ред. А. В. Никандров. М. : Бло-Принт, 2021. С. 454-469.
25. *Arblaster A.* The rise and decline of western liberalism. Oxford, basil Blackwell, 1984, 168 p.

26. *Baucaud-Victoir K.* How Michel Foucault got liberalism so wrong. An interview. Jacobin. 09.06.2019. URL: <https://jacobin.com/2019/09/michel-foucault-neoliberalism-friedrich-hayek-milton-friedman-gary-becker-minoritarian-governments>
27. *Kaube J., Kieserling A.* Die gespalten gesellschaft. Berlin : Rowohlt E-Book, 2022. 259 p.
28. *Sarrazin T.* Deutschland auf der schiefen bahn: nohin steuert unser land. Langen-Muller, 2024. 328 p.
29. *Schumheter I.* Capitalism, socialism and democracy. N. Y.: Harper & Row, 1974. 481 p.

References

1. Abramov M.A. Vozdukh svobody [The air of freedom]. *About freedom. Anthology of World Liberal Thought*. Moscow, Progress-Tradition Publ., 2000. pp. 7-28. (in Russian)
2. Alasania K.Y. *Biopolitika ot Spensera do Espozito: klyuchevye kontseptsii i podkhody* [Biopolitics from Spencer to Espozito: key concepts and approaches]. Moscow, Publisher A.V. Vorobyov, 2023. 316 p. (in Russian)
3. Aristotle. *Afinskaja politija* [Athenian Politics]. Moscow, Leningrad, State Social and Economic Publishing House, 1936. 197 p. (in Russian)
4. Berdyaev N.A. *O rabstve i svobode cheloveka* [On slavery and human freedom]. Paris, YMCA-Press, 1972. 222 p. (in Russian)
5. Berdyaev N.A. *Opyt eskhatologicheskoy metafiziki* (Tvorchestvo i ob"ektivatsiya) [The experience of eschatological metaphysics (Creativity and objectification)]. Paris, UMSA-Press, 1947, 219 p. (in Russian)
6. Berdyaev N.A. *Filosofiya neravenstva (Pisma k nedrugam po sotsialnoy filosofii)* [Philosophy of inequality (Letters to enemies in social philosophy)]. Moscow, IMA-Press, 1990, 288 p. (in Russian)
7. Bryanchaninov D.A. [St. Ignaty Bryanchaninov]. *Slovo o cheloveke* [A word about a person]. St. Petersburg, St. Ignatius Bryanchaninov Parish, 2011, 720 p. (in Russian)
8. Bacon F. *O nachalakh i istokakh. Opyty ili nastavleniya npravstvennye i politicheskie. Posvyashcheniya* [About the beginnings and origins. Moral and political experiments or instructions. Dedications]. Soch. In 2 vols, vol. 2. Moscow, Mysl Publ., 1972, 582 p. (in Russian)
9. Inglehart R. Postmodern: Menyayushchiesya tsennosti i izmenyayushchiesya obshchestva [Postmodernity: Changing values and changing societies]. *Polis. Political research*, 1997, no. 4, pp. 6-32. (in Russian)
10. Xenophon. *Afinskaja politija* [Athenian politics]. *Aristotle. Athenian politics. Applications*. Moscow, Leningrad, State Social and Economic Publishing House, 1936, pp. 181-196. (in Russian)
11. Leontovich V.V. *Istoriya liberalizma v Rossii (1762-1914)* [History of liberalism in Russia (1762-1914)]. Moscow, Russkiy Put, 1995, 550 p. (in Russian)
12. Platon. *Gosudarstvo* [The State]. Soch. in three volumes. Vol. 3. Part 1. Moscow, Mysl Publ., 1971. pp. 89-454. (in Russian)
13. Rastorguev V.N. *Liberalizm* [Liberalism]. Philosophy of politics and law, an encyclopedic dictionary. Moscow, INFRA-M Publ., 2018, pp. 217-220. (in Russian)
14. Rastorguev V.N. Predislovie. *Panarin A.S. Orthodox civilization*. Moscow, Institute of Russian Civilization, 2014, pp. 5-38. (in Russian)
15. Rawls J. *Teoriya spravedlivosti* [The theory of justice : translated from English]. Moscow, URSS, Lenand Publ., 2017, 536 p. [Rawls J. A Theory of Justice. Harvard : Sixth Printinge, 1971]. (in Russian)
16. Herzen A. I., Ogarev N. P. Russkiy liberal. Pismo k izdatelyu. Collections [Russian Liberal. Letter to the publisher]. *Voices from Russia. Book 1. 1856-1857*. Moscow, Nauka Publ., 1974, pp. 9-36. (in Russian)
17. St. Theophan the Recluse. *O Pravoslavii s predosterezheniyami ot pogresheniy protiv nego* [About Orthodoxy with warnings against sins against it]. Holy Trinity Sergius Lavra, 1995, 204 p. (in Russian)
18. Fukuyama F. *Otstavanie* [Backlog]. Moscow, Astrel Publ., 2012, 480 p. (in Russian)
19. Fukuyama F. *Silnoe gosudarstvo. Upravlenie i mirovoy poryadok v KhKhI veke* [Strong State. Governance and world order in the KhKhI century]. Moscow, AST Publ., 2007, 220 p. (in Russian)

20. Höffe O. *Politika. Pravo. Spravedlivost* [Politics. Right. Justice]. Moscow, Gnosis Publ., 1994, 328 p. (in Russian)
21. Chicherin B.N. *Mera i granitsy* [Measure and boundaries]. Moscow, Development of legal systems Publ., 2023, 400 p. (in Russian)
22. Chicherin B.N. Razlichnye vidy liberalizma [Various types of liberalism]. *The experience of Russian liberalism. Anthology*. Moscow, Canon Publ., 1997, pp. 38-51. (in Russian)
23. Chicherin B.N. Chto takoe okhranitelnye nachala? [What are protective principles?]. *Our time*, 1862, no. 39. (in Russian)
24. Yakovlev M.V. *Teoriya spravedlivosti v evropeyskoy sotsial'no-politicheskoy mysli XX v.* [Theory of justice in European socio-political thought of the twentieth century]. *University lectures on the history of philosophy of politics and law*. Under the general ed. Moschelkova E.N. Sci. ed. A.V. Nikandrov. Moscow, Blo-Print Publ., 2021, pp. 454-469. (in Russian)
25. Arblaster A. *The rise and decline of western liberalism*. Oxford, basil Blackwell, 1984, 168 p.
26. Baucaud-Victoir K. How Michel Foucault got liberalism so wrong. An interview. *Jacobin*, 2019, June 9. URL: <https://jacobin.com/2019/09/michel-foucault-neoliberalism-friedrich-hayek-milton-friedman-gary-beecker-minoritarian-governments>
27. Kaube J., Kieserling A. *Die gespalten gesellschaft*. Berlin, Rowohlt E-Book, 259 p. 2022.
28. Sarrazin T. *Deutschland auf der schiefen bahn: nohin steuert unser land*. Langen-Muller, 2024, 328 p.
29. Schumheter I. *Capitalism, socialism and democracy*. N.Y., Harper & Row, 1974. 481 p.

Сведения об авторах

Шамишурин Виктор Иванович

доктор социологических наук, профессор,
кафедра философии политики и права,
философский факультет
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Российская Федерация, 119234, г. Москва,
Ломоносовский просп., 27/4
e-mail: shamshuriny2@mail.ru
ORCID 0000-0002-1099-346X

Шамишурина Нина Григорьевна

доктор экономических наук, профессор,
кафедра медицинской статистики и
цифрового здравоохранения
Российская медицинская академия
непрерывного профессионального
образования
Российская Федерация, 125993, г. Москва,
ул. Баррикадная, 2/1, стр. 1
профессор кафедры организации, управления
и экономики в здравоохранении
ФГБУ НМИЦ реабилитации и курортологии
Минздрава РФ, 121099, г. Москва,
ул. Новый Арбат, 32
e-mail: ShamshurinaNG@rmapo.ru
ORCID 0000-0002-6015-4787

Information about the authors

Shamshurin Victor Ivanovich

Doctor of Sciences (Sociology), Professor
Department of Politics and Law Philosophy,
Faculty of Philosophy
Lomonosov Moscow State University
27/4, Lomonosovsky ave., Moscow, 119234,
Russian Federation
e-mail: shamshuriny2@mail.ru
ORCID 0000-0002-1099-346X

Shamshurina Nina Grigorievna

Doctor of Sciences (Economics), Professor,
Department of Medical Statistics and Digital
Healthcare Russian Medical Academy of
Continuing Professional Education
build. 1, 2/1, Barricadnaya st., Moscow, 125993,
Russian Federation
Professor of the Department of Healthcare
Organization, Management and Economics
National Medical Research Center for
Rehabilitation and Balneology of the Ministry of
Health of the Russian Federation
32, Novy Arbat st., Moscow, 121099,
Russian Federation
e-mail: ShamshurinaNG@rmapo.ru
ORCID 0000-0002-6015-4787

Статья поступила в редакцию 10.04.2025; одобрена после рецензирования 15.05.2025 принята к публикации 25.07.2025
The article was submitted April, 10, 2025; approved after reviewing May, 15, 2025; accepted for publication July, 25, 2025